

Происхождение индоевропейцев

УДК 94(3)

Зализняк Л.Л.

БАЛТИЙСКИЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ ПЕРВЫХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ЕВРОПЫ

Статья касается общей мезо-неолитической подосновы древнейших индоевропейских культур юга Восточной Европы (Мариуполь, Средний Стог), а также Центральной Европы (культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор) V–III тыс. до н.э. Общий культурно-генетический субстрат древнейших индоевропейцев Европы сложился в VI–V тыс. до н.э. вследствие миграции мезолитического населения Западной Балтики на восток через территорию Польши, Полесья, Среднего Поднепровья до Северского Донца.

Ключевые слова: индоевропейцы, мезолитический субстрат, балтийская культурная провинция, культуры маглемезе, мариупольская, среднестоговская, воронковидных кубков, ямная.

Славяне, как и подавляющее большинство этносов Европы, принадлежат к индоевропейской (далее ИЕ) семье народов, на основе которой формировалась ведущая в современном мире европейская цивилизация. Вот уже больше 200 лет несколько поколений индоевропейцев разных стран и народов ищут родину ИЕ. Имеется в виду страна, откуда в IV–II тыс. до н.э. расселились по Европе и Западной Азии предки родственных ИЕ этносов.

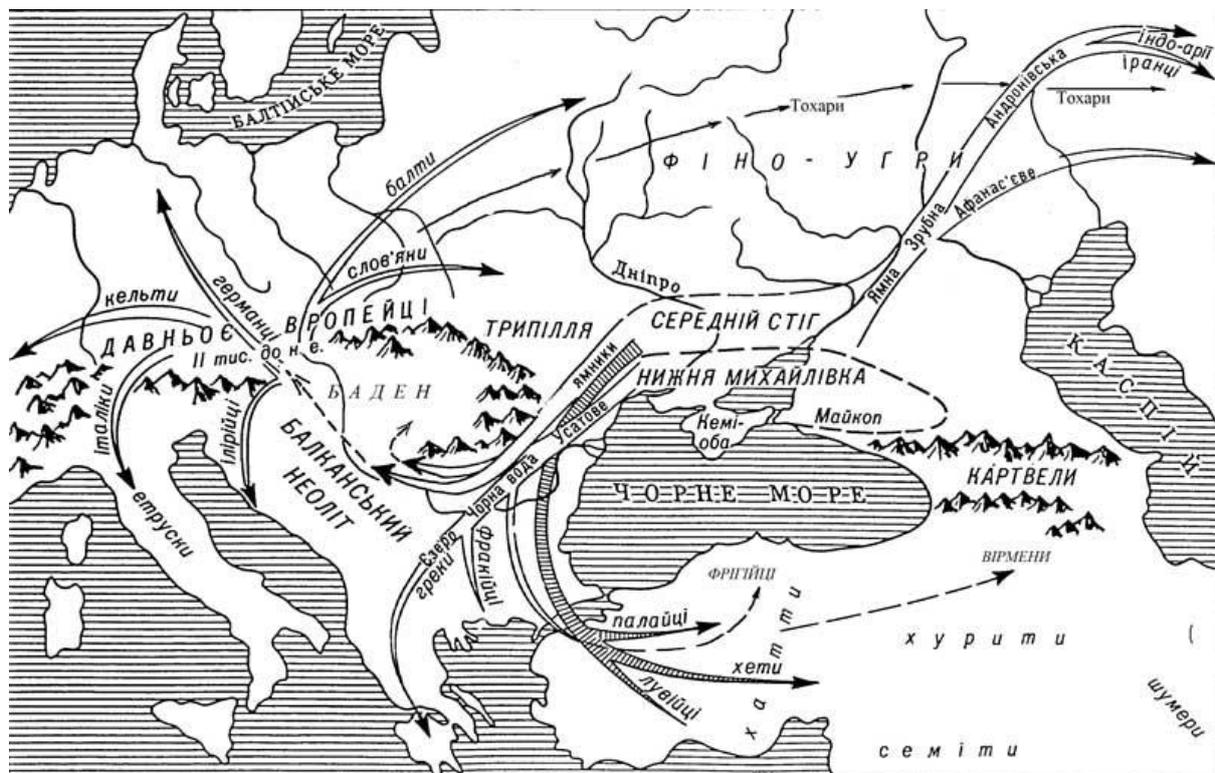

Рис. 1. Расселение индоевропейцев в IV–II тыс. до н.э. [Зализняк, 1998, с.260].

Расселение ИЕ на протяжении последних тысячелетий в значительной степени предопределило современную карту мира (рис. 1). Именно ИЕ народы основали наиболее успешную в современном мире европейскую цивилизацию, которая в значительной мере предопределяет историю человечества на протяжении последних столетий. Этим объясняется чрезвычай-

ная научная значимость проблемы происхождения ИЕ семьи народов для истории человечества вообще и для первобытной истории Украины в частности. В свое время Ф. Гегель сравнил открытие мира ИЕ народов с открытием Нового Света Христофором Колумбом.

Весомый вклад ИЕ народов в историю, культуру и социально-экономическое развитие человечества сделал индоевропеистику одной из ведущих отраслей палеоэтнологии. Учитывая сказанное, народы Евразии давно и с переменным успехом борются за почетное право называться родиной ИЕ.

Этот вопрос актуален и для Украины. Ведь большинство индоевропеистов мира так или иначе включают степи Украины в ИЕ родину. Фактически индоевропеисты разных стран разделились на два лагеря: тех, кто выводит с юга Украины все ИЕ народы и тех, кто считает что из азово-черноморских степей происходят лишь восточные индоевропейцы — индо-арии, ирано-арии, хетто-лувийцы, греки, фригийцы, армяне.

К сожалению, индоевропеистика не стала приоритетным направлением украинской науки. Она еще не заняла надлежащего места ни в украинской археологии, ни в лингвистике, ни в этнологии. Вопреки тому, что индоевропеисты всех времен и народов интенсивно использовали для своих теоретических построений богатые археологические, антропологические, лингвистические источники Украины, проблемам изучения ИЕ народов украинская наука уделяет недостаточно внимания. К тому же, в прошлом году индоевропеистика Украины понесла невосполнимую потерю — ушел из жизни первый украинский индоевропеист Сергей Викторович Конча. Уже после его смерти вышла в свет его монография «Індоевропейці: пізнання доісторії». Выдающийся петербургский археолог-теоретик Лев Клейн сказал о ней: «Это лучшее, что вышло из индоевропеистики за последние 30 лет».

В результате усилий ученых разных стран в конце прошлого столетия наметились два главных центра расселения первых индоевропейцев — черноморско-азовский в степях юга и востока Украины и центрально-европейский (территории Германии, Дании, Польши) [17, с.242; 45, р.24] (рис. 1). Возник вопрос: как близко родственные народы могли расселяться из двух разных, отдаленных друг от друга на 2 тыс. км центров? Ответить на этот сложный вопрос позволяет концепция балтийской культурно-исторической провинции Центральной и Восточной Европы [10, 11, с.268-270; 15, 16, с.206-213; 17, с.446-466].

Балтийская культурно-историческая провинция

Историкам и археологам хорошо известен факт функционирования в течении трех последних тысячелетий великой евразийской степи от Монголии на востоке до Северного Причерноморья и Подунавья на западе в режиме миграционного коридора. Имеются в виду периодические волны кочевников, которые двигались из Центральной Азии через юг Украины в Подунавье. Определяющим фактором направления этого движения был поиск древними скотоводами лучших пастбищ. Ведь чем дальше на запад, тем влажность климата выше, а травостой лучше. Среди кочевых народов, которые с начала I тыс. до н.э. двигались этим коридором с востока на запад, временами достигая степей Нижнего и Среднего Подунавья, назовем киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов, авар, болгар, хазар, угров, печенегов, торков, половцев, монголов, калмыков, башкиров. Этот исторический феномен известен в литературе под названием степной культурно-исторической провинции Евразии [10, 15, 17].

Гораздо меньше известно о подобном миграционном коридоре, но с обратным направлением движения населения с запада на восток, который функционировал в Центральной и Восточной Европе с конца ледниковой эпохи [10, 15, 17]. Имеются в виду периодические волны миграций и диффузий, которые с финального палеолита (по крайней мере с 12,5 тыс. назад) рождались в междуречье Рейна и Эльбы, а временами в Юго-Западной Балтике, и катились Среднеевропейскими низменностями (Немецкая, Польская, Полеская) в бассейны Немана, Припяти, Днепра, Десны. Временами эти миграции из Центральной Европы и Южной Балтики в восточном направлении достигали Верхней и даже Средней Волги (фатьяновская культура шнуровой керамики) и Северского Донца.

Этот коридор распространения этно-культурных волн получил название балтийской культурно-исторической провинции [13, 15]. В зависимости от исторического периода, он функционировал в разных режимах — миграции, диффузии, а во времена средневековья набирал форм военной и экономической экспансии.

Благодаря масштабным исследованиям мезолитических памятников Юго-Западной Балтии [31, 32], Польши [35, 36, 38, 40], Литвы [27, 19], Северной Украины [4–7], в последней четверти XX ст. получены убедительные археологические факты о миграционных процессах по Среднеевропейским низменностям на восток в мезолите, и даже в финальном палеолите [4–8].

Следы самой древней миграции из Севера Германии через территорию Польши к бассейнам Немана и Припяти прослежены по распространению характерных наконечников культуры Гамбург, которая датируется 12,5 тыс. лет назад [12, с. 208–211].

Значительно более убедительные данные имеем о миграции по коридору низменностей из Юго-Западной Балтии через бассейн Вислы на Неман, на Верхний Днепр, и даже Верхнюю Волгу 11 тыс. лет назад носителей культуры Лингби Ютландии [7, 12, 14, с.45]. Они заселили только что освобожденные от ледника Среднеевропейские низменности (рис. 2), положив начало генетически родственным культурам охотников на северного оленя Аренсбург севера Германии, Красноселье и Свицер бассейнов Вислы, Немана, Припяти и Верхнего Днепра [7, 12, 14]. Эти охотники на северного оленя последнего тысячелетия ледниковой эпохи с резким потеплением климата около 10 тыс. лет назад отошли далеко на север на освобожденные от ледника территории Скандинавии и севера Восточной Европы (рис. 3). Антропологические материалы свидетельствуют об определенных морфологических параллелях между древнейшим населением севера Восточной Европы и кроманьонцами конца верхнего палеолита (рис. 4). Похоже, что это население принимало участие в формировании предков финнов [7, с.83; 14, с.104-107; 44].

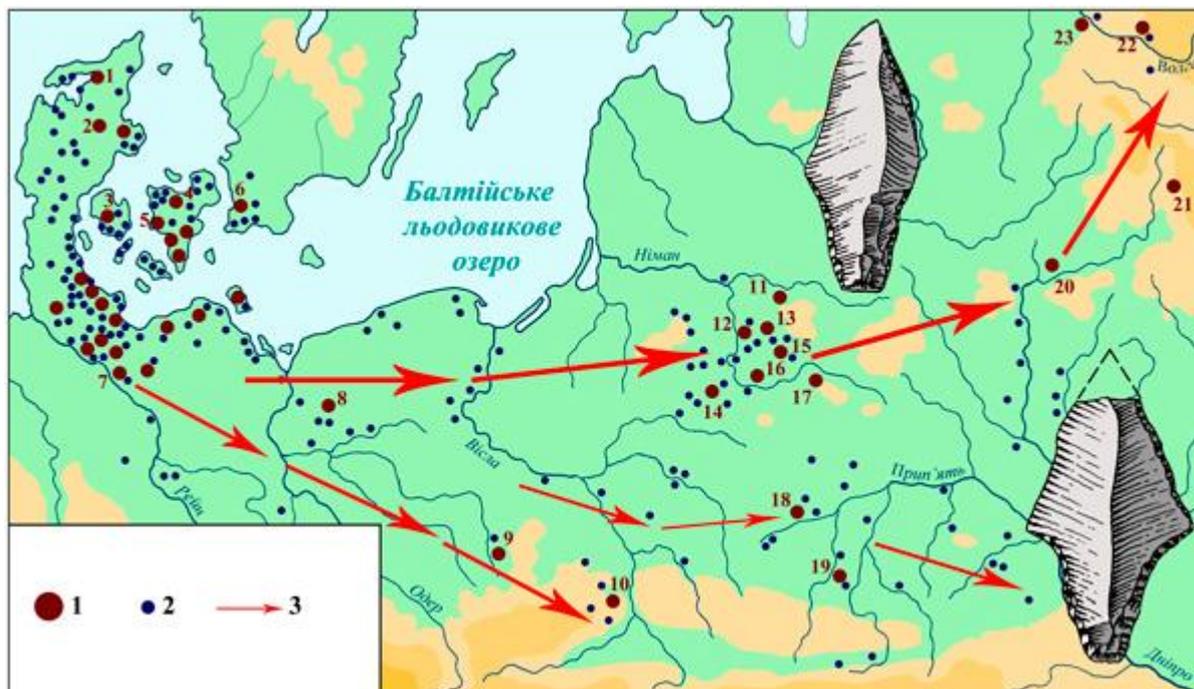

Рис. 2. Карта распространения памятников типа Бромме-Лингби, около 11 тыс. л. назад.

Условные знаки: 1- стоянки культуры Лингби, 2- местонахождения наконечников Лингби, 3- направления миграции населения культуры Лингби, 4- южная и восточная граница зандровых низменностей. Стоянки: 1- Норе Лингби; 2- Ланга; 3- Бро; 4- Бромме; 5- Стоксберг; 6- Зегебро; 7- Толк; Вернек-Мите; 8- Сугесков; 9- Трзбеча; 10- Ридно X; Новий Млин 1А, 1Б; 11- Вильнюс; 12- Ежяринас 8, 15, 16; 13- Маскаука 6; 14- Богатыри Ляси 2, Волкуш 3; 15- Дяряжничка 31; 16- Ковальчицы; 17- Красносельск 5; 18- Лютка; 19- Великий Мидск; 20- Берестенево; 21- Аносово; 22- Троцкое III; 23- Подол III.

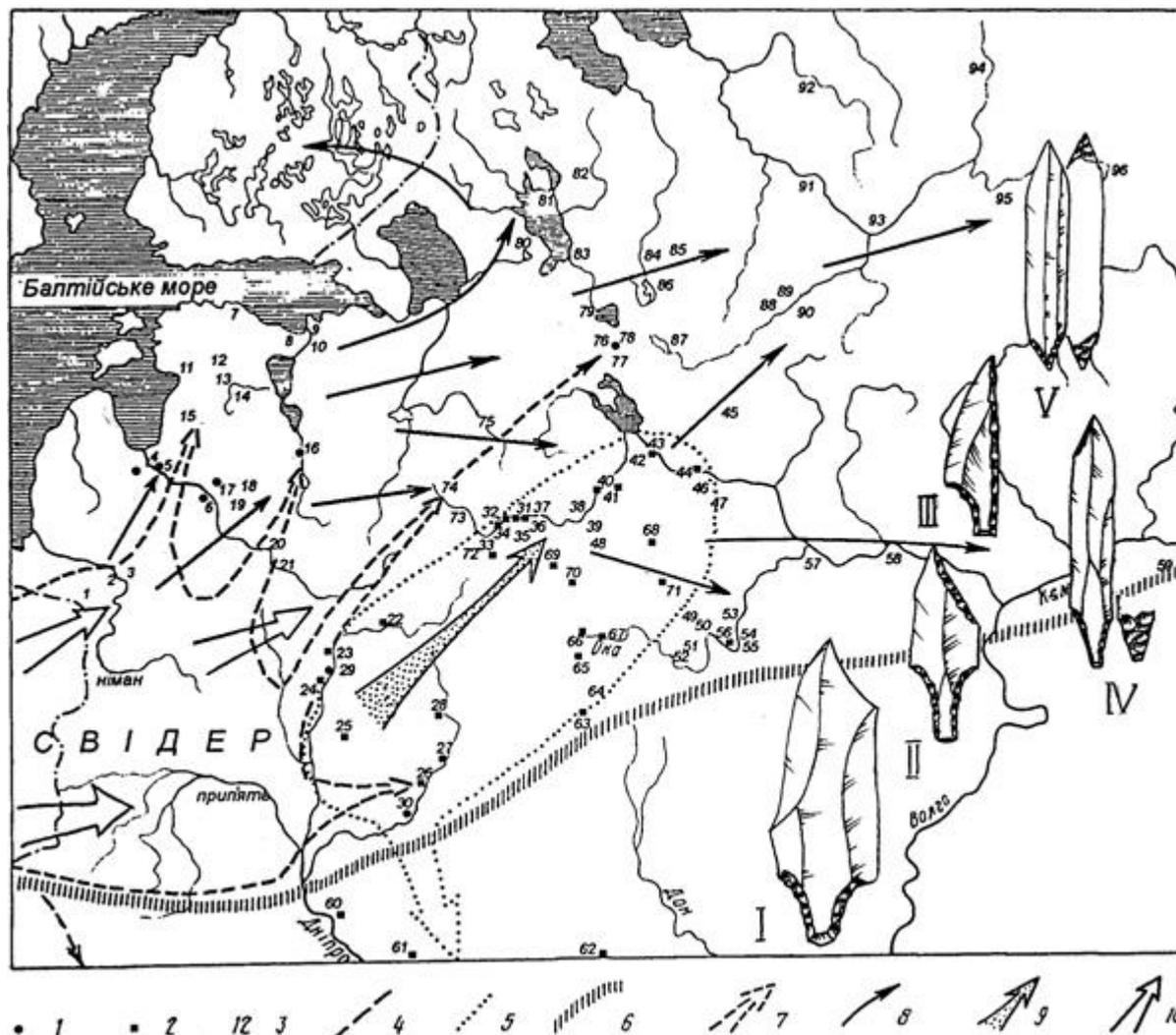

Рис. 3. Карта распространения постсвидерских и посткрасносельских памятников в мезолите Восточной Европы, (VIII тыс. до н.э.), по [Зализняк, 1989, с. 83; 1999, с.233].

Условные обозначения: 1- свидерские памятники за пределами распространения культуры, 2- мезолитические памятники лингбийской традиции (Гренск, Песочный Ров, Иенево), 3- постсвидерские стоянки, 4- границы свидерской культуры, 5- границы сплошного распространения стоянок лингбийской традиции, 6- южная граница лесной зоны, 7- миграции свидерского населения на грани плейстоцена и голоцена, 8- миграции постсвидерского населения в раннем мезолите, 9- миграции красносельского населения на рубеже Дриаса III и Пребореала, 10- миграции кудлаевского и маглемезского населения в начале мезолита.

СТОЯНКИ: 1- Паштува, 2- Лампеджай, 3- Канюкай, 4- Лаукскола, 5- Лиелрутули, 6- Селтилс, 7- Кунда, 8- Сийвертси, 9- Тирвала, 10- Нарва, 11- Пулли, 12- Лепакозе, 13- Ялевере, 14- Симусаре, 15- Звейниекки, 16- Иванцев Бор, 17- Звидзе, 18- Оса, 19- Лубанское Озеро, 20- Крумплево, 21- Зеленый Хутор, 22- Катынь, 23- Боровка, 24- Коромка, 25- Гренськ, 26- Писочный Ров, Гридасово, 27- Комягино, 28- Черистово, 29- Баркалабово, 30- Смячка, 31- Староконстантиновская IV, Чорная Грязь, Дмитровская, Титово, Иенево, 32- Журавец, 33- Высокино, 34- Бутово, 35- Кошево, 36- Красново VI, 37- Лукино, 38- Соболево, 39- Скнятино, 40- Алтыново, 41- Богоявления, 42- Коприно, 43- Пеньково 2, 44- Сильце, 45- Умилення, 46- Некрасово, Кострома, 47- Мордовское, 48- Ивановская III, 49- Микулино, 50- Петрушино, 51- Русаново III, 52- Борки, 53- Слин Бир, 54- Новошино, 55- Угольново, 56- Исток, 57- Стара Пустынь, 58- Яндашево, 59- Миллярво, 60- Загай I, 61- Вязовок 4а, 62- Зимовники, Сабовка, 63- Жабынь, 64- Гремячее, 65- Ладыжино III, 66- Брагино, 67- Митино, 68- Еловка, Шильцева Заводь, 69- Дальний Остров, 70- Заозерья, 71- Белево, 72- Настасино, 73- Суконцево, 74- Ланино, 75- Боровичи, 76- Ягорба, 77- Лотова Гора, Лиственка III, 78- Марьино IV, 79- Андозеро М, 80- Пиндуши XIV, 81- Олений Остров, 82- Илекса III, 83- Муромское 7, 84- Нижнее Веретье I, 85- Попово, 86- Сухое, 87- Бор, 88- Яснопольская, 89- Эденга, 90- Колупаевская, 91- Приозерная 4, 92- Явронга, 93- Филичаевская, 94- Вис, 95- Пезмог I, 96- Парч, Пожсег, Петрушинская.

Оставленные на рубеже палеолита и мезолита охотниками на оленя Средне-европейские низменности заселила новая волна мигрантов с запада, вызванная таянием Великого ледника. Огромные массы талой ледниковой воды попали в океан и привели к значительному повышению его уровня, затоплению огромных территорий между Британией и Скандинавией и образованию Северного моря. Наступление океана повлекло движение лесных охотников раннего мезолита из затопленных территорий Средневропейскими низменностями к востоку. Эти раннемезолитические переселенцы с запада сформировали в VIII–VII тыс. до н.э. культурную область Дювенси (рис. 5). Она состояла из генетически родственных культур Старр-Кар Англии, Дювенси (Маглемезе) Германии, Мелстед Ютландии, Коморница Польши, Кудлаевка Полесья и бассейна Немана [35, с. 338-341; 4, 8, с.12, 13].

В конце мезолита археологический материал фиксирует новую постмаглемезскую волну миграций (или диффузий) из Западной Балтики на восток — культуры Свадборг Ютландии, Хойница-Пенки Польши, Яниславица бассейнов Вислы, Припяти, Немана и Среднего Днепра (рис. 7, 8, 9). Судя по распространению характерных яниславицких острий в Надпорожье и на востоке Украины, постмаглемезские мигранты достигли Северского Донца (рис. 9).

Во второй половине VI тыс. до н.э. через юг Польши на Волынь переселились носители культуры линейно-ленточной керамики. За ними с Ютландии через Польшу в бассейн р. Случь продвинулось население культуры воронковидных кубков (рис. 10).

В III тыс. до н.э. тем же путем на Полесье и дальше в Киевское Поднепровье и даже на Десну и Верхний Днепр прошло население культуры шаровидных амфор (рис. 11). В конце III — начале II тыс. до н.э. через Польшу к востоку катилось несколько волн шнуровиков, которые через Поднепровье достигли Верхней и даже Средней Волги, где известны под названием фатьяновской культуры (рис. 12). Во II тыс. до н.э. из междуречья Одера и Вислы на восток до бассейна Десны распространились носители постшнуровой тшинецко-комаровской и родственной ей сосницкой культуры (рис. 13), а в I тыс. до н.э. от Немана к Десне и к Роси продвинулась милоградская культура, в которой некоторые исследователи видят нерасчлененных балтославян.

Позже с запада в Украину докатились три волны германских племен — культуры Ясторф, Пшевор (вандалы), Вельбар (готы). Последние дошли до Причерноморья и Крыма (рис. 14) и положили начало черняховской культуре III-IV ст. н.э., которую в наше время интерпретируют как археологическое соответствие империи Германариха готского хрониста Йордана. В средневековье балтийская провинция изменяет свою историческую форму и функционирует в режиме военной и экономической экспансии варягов, тевтонских рыцарей, Литвы, Польши, и даже Швеции Карла XII.

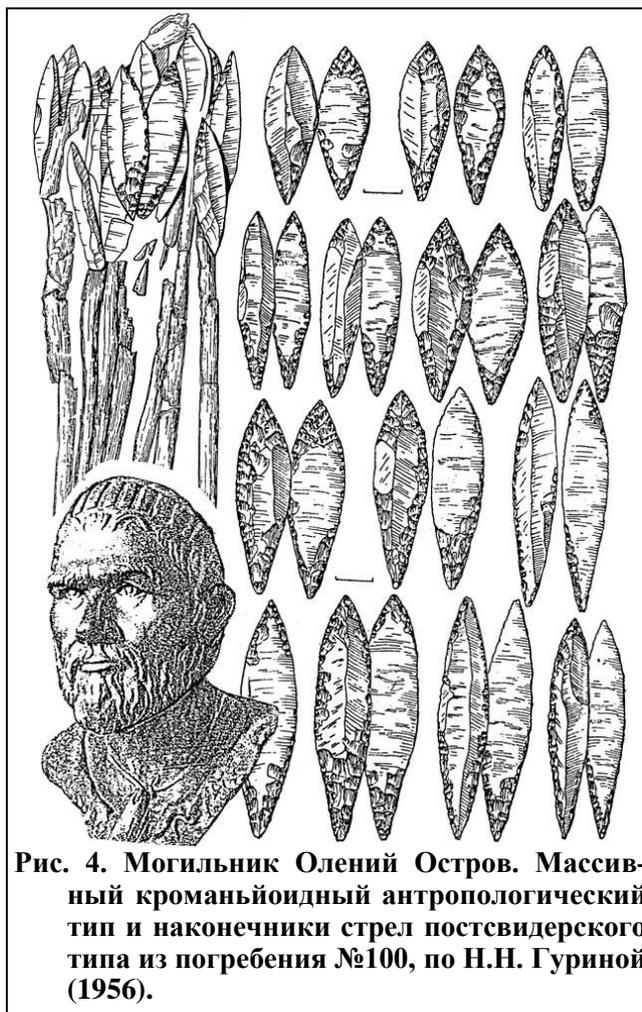

Рис. 4. Могильник Олений Остров. Массивный кроманьйонидный антропологический тип и наконечники стрел постсвидерского типа из погребения №100, по Н.Н. Гуриной (1956).

Рис. 5. Культурная область Дювенси (Маглемезе, по Г.Кларку) в VIII–VII тыс. до н.э.
 Культуры: 1-Мелстед; 2-Дювенси; 3-Коморниця; 4-Кудлаевка. 5-границы Среднеевропейских ландшафтных низменностей.

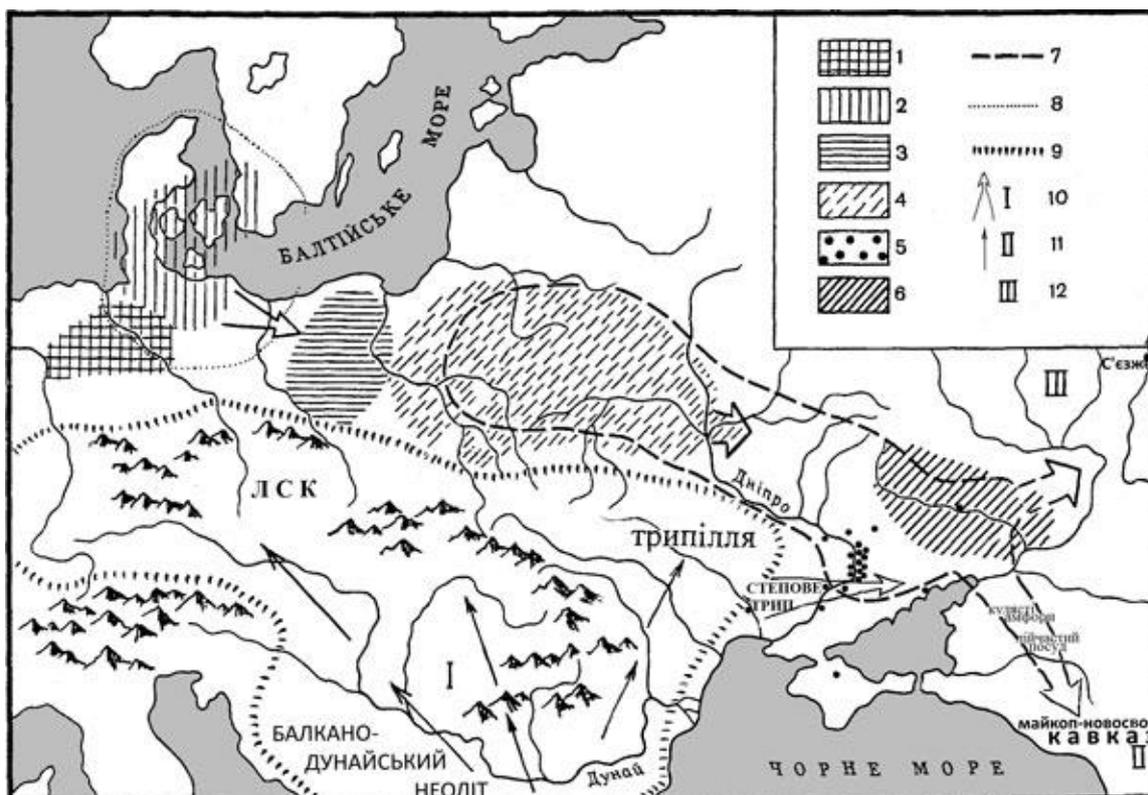

Рис. 6. Позднемезолитический и неолитический этно-культурный субстрат индоевропейцев (VI–V тыс. до н.э.) [Зализняк, 1994, с. 89].
 Культуры позднего мезолита: 1- Лейен-Варген, 2- Свадборг, 3- Хойница- Пенки, 4- Яниславица, 5- могильники мариупольского типа, 6- донецкая культура.
 Культуры неолита: 7- гребенчатой керамики, 8- Свадборг, 9- балканский неолит.
 I- балкано-дунайский неолит ближневосточного происхождения, II- пракартвелы Кавказа, III- прафинноугры.

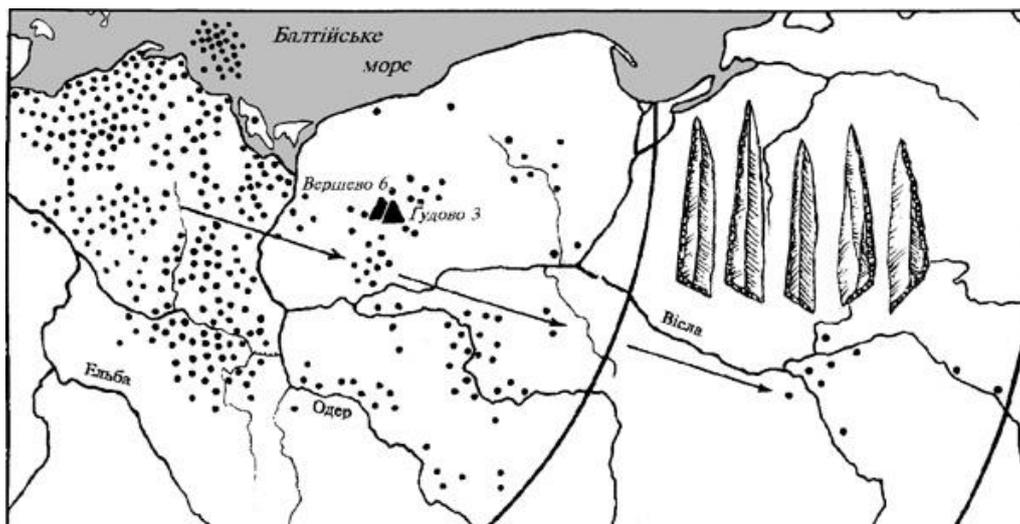

Рис. 7. Распространение микролитов культуры Свадборг в VI тыс. до н.э. [Bagniewski, 1993].

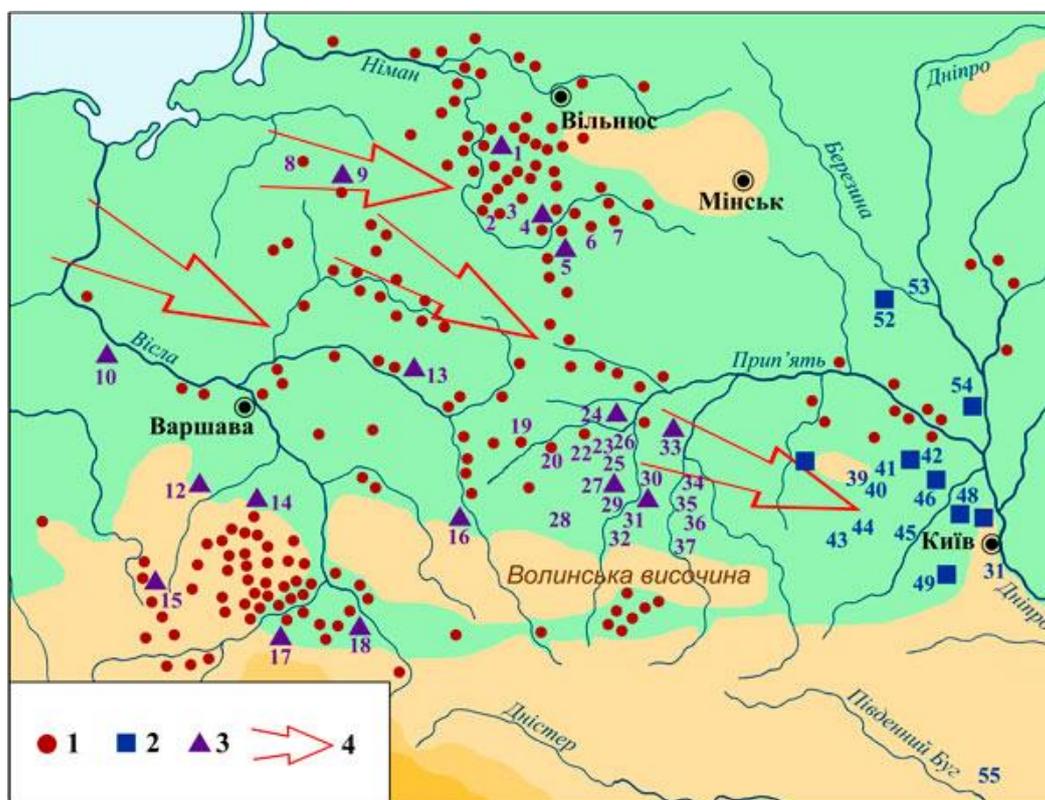

Рис. 8. Карта распространения памятников яниславицкой культуры VI-V тыс. до н.э. , (VIII тыс. до н.э.), по [Зализняк, 1989, с. 83; 1999, с.233]

Бассейн Немана: 1- Максимонис 4; 2- Дубичай 2; 3- Нятесяй; 4- Белица 2; 5- Нясиловичи; 6- Бабинка; 7- Черешля. Польша: 8- Перкуново; 9- Сосня; 10- Вистка Шляхеца III; 11- Велишев XIII; 12- Яниславица; 13- Гжибова Гура VI; 15- Дибровка; 16- Неборово; 17- Яворник Чарна; 18- Гвоздец. Полестье: 19- Тур; 20- Немир; 21- Глуша; 22- Любязь; 23- Переволока; 24- Омыт; 25- Нобель; 26- Сенчицы 5а; 27- Мульчицы; 28- Грушвица; 29- Бабка; 30- Непирец; 31- Балаховичи; 32- Мала Осница; 33- Рудня; 34- Криница; 35- Тутовичи; 36- Поляна; 37- Сарны; 38- Рудня Озерянська; 39- Пищане; 40- Прибор; 41- Ковшиловка; 42- Протереб, Оболонь, Дибровка; 43- Стаханове; 44- Крапивенка; 45- Тетерев; 46- Кухари 2; 47- Приборск 3; 48- Рудой Остров; 49- Бородянка; 50- Днепроовская водогонная станция (ДВС); 51- Перетичок; 52- Красновка 1Б; 53- Городок 4; 54- Стара Лутава; 55- Концеполь;

Условные знаки: 1- яниславицкие остря; 2- стоянки яниславицкой культуры; 3- памятники рудоостровского варианта; 4- граница Полесской низменности.

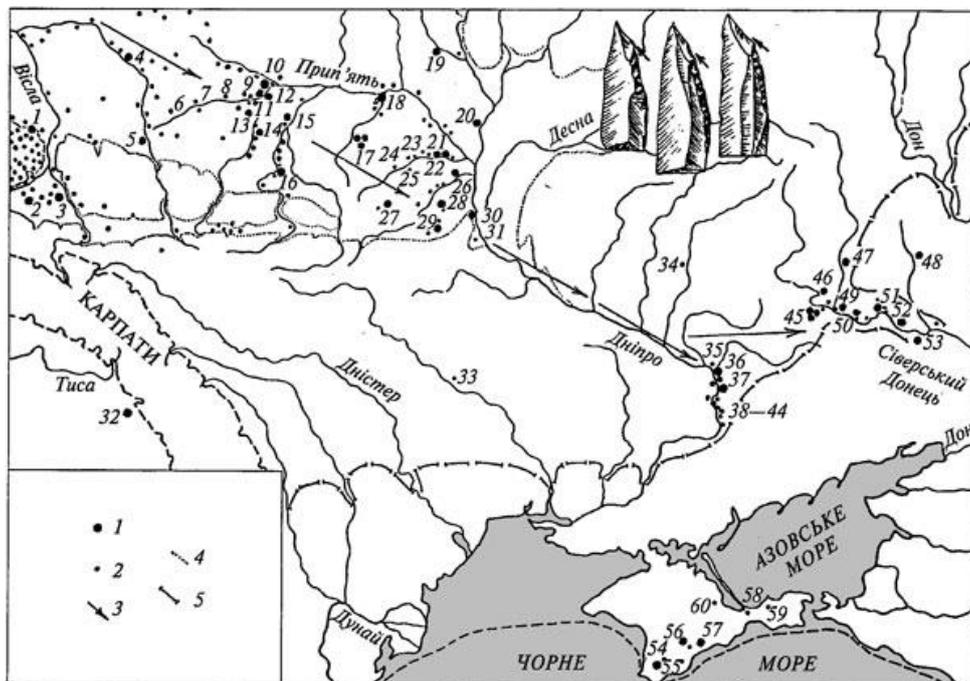

Рис. 9. Карта распространения острий с микрорезцовым сколом на пластинах на территории Украины, (VI–V тыс. до н.э.), по [Зализняк, 2009, с. 176].

Условные знаки: 1- стоянки с сериями острий, 2- пункты с 1–3 остриями, 3- направление миграции с Южной Балтики в VII–V тыс. до н.э., 4- граница Полесья, 5- южная граница лесов в Атлантикуме.

Стоянки: 1- Грзибова Гура IV, 2- Яворник Чарна, 3- Гвоздец, 4- Червоный Борек, 5- Неборово, 6- Тур, 7- Невир, 8- Любязь, 9- Переволока 2, 10- Омыт, 11- Нобель, 12- Сенчицы, 13-Мульчицы, 14-Непирец, 15- Рудня, 16- Поляны, 17- Рудня Озерянская, 18- Мойсеевичи, 19- Красновка 16, 20- Стара Лутава, 21- Оболонь, 22- Протереб, 23- Ковшиловка, 24- Пищане, 25- Прибор, 26- Приборск 3, 27- Стаханово, Крапивьянка, 28- Рудой Остров, 29- Бородянка, 30- ДВС, 31- Перетичок, 32- Камьяница, 33- Конещполь, 34- Била Гора, 35- Попов Мыс, 36- Игрень 8, 37- Кизлевый 5, 38-44- Чаплино, Сурской, Ненаситец, Терлянська Круча, Вовниги, Собачки, Вовчок, 45- Петровские 4, 10, 28, 46- Ольховая 5, 47- Петрово-Орловська, 48- Пеллагеєвка III, 49- Пришиб, 50- Дробишево, 51- Шевченково, 52- Боровське I, 53- Орехово-Донецкое, 54- Шан-Коба, Фатма-Коба, 55- Балин-Кош, 56- Ала-Чук, 57- Су-Ат III, 58- Фронтное, 59- Ленинское, 60- Алексеєвская Засуха.

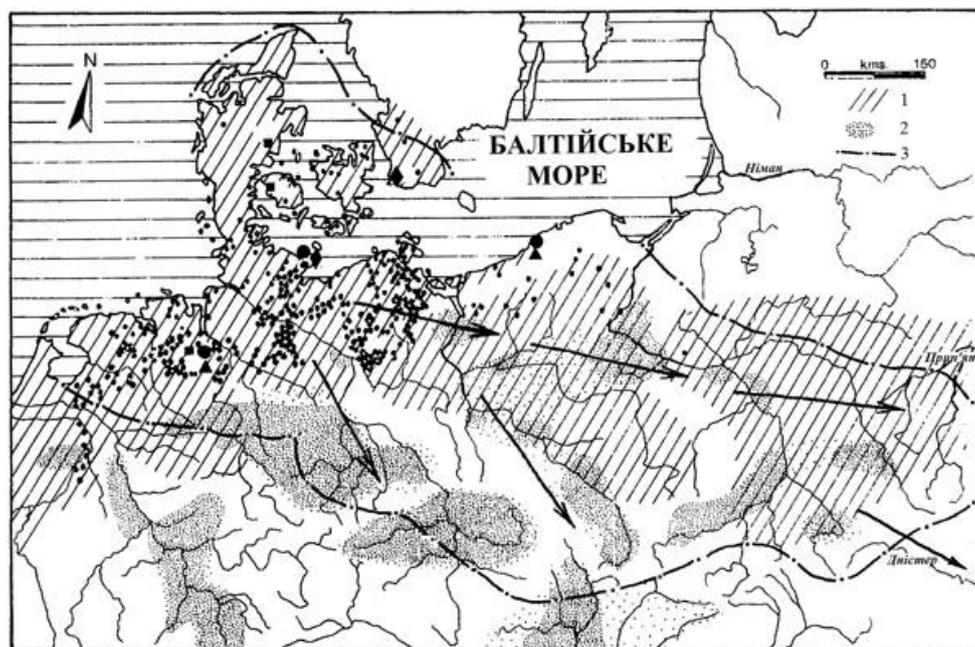

Рис. 10. Ареал культуры воронковидных кубков (КВК), по [Zvebil, 2002, p. 332].

Условные знаки: 1- мезолитические группы; 2- КЛИК; 3- ареал КВК.

Многочисленные миграции в восточном направлении в пределах Среднеевропейских ландшафтных низменностей демонстрируют определенные закономерности. В частности к ним относится практическое отсутствие движения населения в регионе в обратном направлении — с востока на запад. В неолите-бронзе (VI–II тыс. до н.э.) в Северо-Западной Украине функционировал стабильный путь расселения мигрантов с запада: через Волынскую возвышенность на восток на Среднее Поднепровье с ответвлением на юг через Верхний Днепр в бассейн р. Прут. Этим путем с бассейна Верхней Вислы расселялись носители культур линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков (рис. 10), шаровидных амфор (рис. 11), шнуровой керамики (рис. 12), тшинцево-комаровской (рис. 13). Начиная с I тыс. до н.э. масштаб миграций мельчает, хотя направление с запада на восток или юго-восток сохраняется — Милоград, Ясторф, Пшевор, Вельбар.

Таким образом, массовый археологический материал убедительно свидетельствует о периодических волнах переселения древнего населения с севера Центральной Европы, зачастую с Юго-Западной Балтики, через бассейн Вислы на восток начиная с финального палеолита до исторических времен. Эти переселения очевидно происходили не обязательно в форме массовых масштабных миграций, но и в виде продолжительных диффузий носителей культур центрально-европейского происхождения. Миграционные процессы эпохи мезолита (рис. 5–9) создали единое этнокультурное пространство, которое протянулось на 2500 км от Ютландии до Среднего Донца и Северского Донца, на котором сформировались древнейшие ИЕ культуры Европы VI–V тыс. до н.э.

Постмаглемезская этнокультурная общность позднего мезолита

Формирование упомянутой подосновы первых ИЕ на Среднеевропейских низменностях началось с началом голоценового потепления. Гигантские массы воды с тающих ледников попали в мировой океан, подняв его уровень более чем на 100 м. Были затоплены мелководные участки континентальных шельфов, в частности обширную равнину между Британией и Скандинавией на месте современного Северного моря. Этот процесс затянулся на две тысячи лет и продолжался всю первую половину мезолита. Сначала была затоплена северная часть равнины, тогда как юг Северного моря оставался сушей (так называемый Доггерленд), населенной мезолитическими охотниками и рыбаками. Многие исследователи сторонники гипотезы, что Доггерленд затоплен около 6200 г. до н.э. вследствие катастрофической волны цунами, причиной которой был гигантский оползень на западном побережье Скандинавии.

Очевидно культурная область Дювенси (Маглемезе) (рис. 5) сформировалась в раннем мезолите вследствие миграции мезолитического населения на восток по причине затопления северной части равнины между Британией и Скандинавией в самом начале мезолита в VIII тыс. до н.э. Затопление Доггерленда в конце VI тыс. до н.э. привело к новой миграции в восточном направлении и формированию постмаглемезской области культур (рис. 6).

Выдающийся английский археолог Грэхем Кларк в 1936 г. назвал западную часть упомянутых раннемезолитических переселенцев из затопленных Северным морем территорий культурой Маглемезе (в переводе с датского «большое болото») [31, 32]. В середине мезолита (Бореал) в Ютландии на маглемезской почве развивалась культура Свадборг. В результате новой трансгрессии Балтийского моря свадборгское население двинулось к востоку и стало основой постмаглемезской области культур VI–V тыс. до н.э. (рис. 6). Известный польский исследователь С.К. Козловский в 70-х годах XX ст. отнес к ней производные от культуры Свадборг культуры Лейен-Вартен, Олдеслое и Хойнице-Пенки севера Германии, Дании и Польши соответственно [36, р. 45-50, 252].

О продвижении свадборгского населения из Западной Балтики на территорию Польши писал профессор Вроцлавского университета Збигнев Багневский. Его исследования позволили говорить о двух фазах развития в мезолите Польши традиций западнобалтийской культуры Свадборг, потомка Маглемезе раннего мезолита. Кремневый комплекс Вершево 6 типологически соответствует материалам позднего этапа культуры Свадборг Дании и датируется VI тыс. до н.э. Типичными являются длинные треугольники (рис. 7) и ланцеты маглемезского типа, от-

дельные острия типа Свадборг. Позже свадборгская индустрия в Польше трансформировалась в комплексы типа Гудово 3, которые типологически напоминают материалы культуры Олдеслое Северной Германии и Ютландии V тыс. до н.э. В Польше такие памятники выделяют в отдельную культуру Хойнице-Пенки. З. Багневский проследил распространение характерных элементов культуры Свадборг из Западной Балтики в бассейн Вислы [Bagniewski, 1993] (рис. 7).

В 80-х, 90-х годах XX ст. большинство специалистов признало постмаглемезкий характер яниславицкой культуры бассейнов Вислы, Немана и Припяти [5, 6, с. 100–104, 8, с.38–41; 15, с.206–210]. Судя по данным археологии и антропологии, на территории Украины эта экспансия охотничьего населения Балтии в VI–V тыс. до н.э. достигла Среднего Поднепровья, Надпорожья и даже Северского Донца (рис. 9). Об этом убедительно свидетельствует карта распространения определяющих для яниславицкой культуры острий [8, с. 40, 41; 9, с.89, 97, 98] (рис. 9).

Процесс проникновения лесных охотников из Балтии через Полесье на юго-восток, похоже стимулировался распространением речными долинами лесных биотопов с соответствующей флорой и фауной вплоть до побережья Черного и Азовского морей. Возникли благоприятные условия для продвижения облесенными долинами рек из Полесья на юго-восток Украины лесных охотников яниславицкой культуры.

Так, в VI–V тыс. до н.э. состоялось формирование постмаглемезкой позднемезолитической общности, которая распространилась на восток от Ютландии на 2 тыс. км и достигла Поднепровья и Северского Донца (рис. 6). В нее входили археологические культуры позднего мезолита Лейен-Вартен и Свадборг (Дания, Северная Германия), Хойница-Пенки (Польша), Яниславица (бассейны Вислы, Немана, Припяти), а также донецкая (бассейн Северского Донца). Многочисленные яниславицкие острия найдены на позднемезолитических памятниках Надпорожья. Кремневый инвентарь этих культур свидетельствует об их родстве и генезисе на основе мезолита Балтики. Многочисленные находки характерных изделий из кремня (прежде всего яниславицких острий) в Надпорожье и даже на Северском Донце свидетельствуют, что мигранты из Балтии достигли Приазовья [8, с. 40, 41; 9, с.89, 97, 98; 14, с. 109–111].

В V тыс. до н.э. на этой балтийской по происхождению основе, но под влиянием с юга культурных сообществ балкано-дунайского неолита, сформировалась группа лесных неолитических культур: Ертебелле Юго-Западной и Цедмар Южной Балтики, Дубичай бассейна Немана, волинская бассейна Немана и Припяти, днепро-донецкая Среднего Поднепровья и бассейна Донца (рис. 6).

Отметим, что упомянутые волинская и неманская культуры, фактически, являли собой керамическую фазу развития яниславицкой культуры позднего мезолита. По крайней мере ранние памятники упомянутых неолитических культур имеют типичный яниславицкий кремневый инвентарь [41–43]. Среди неолитических доноров упомянутых культур лесного неолита Немецкой, Польской, Полесской низменностей и Поднепровья особенную роль сыграли культуры линейно-ленточной керамики, буго-днестровская и Кукутени-Триполье.

Наличие культурно-генетической общности на низменных пространствах от Рейна до Северского Донца в VI–V тыс. до н.э., по нашему мнению, подтверждают данные гидронимики. В частности кажется неслучайным известный факт распространения самой древней индоевропейской гидронимики на территориях от Рейна на западе и до Днепра на востоке, которая в целом совпадает с территорией постмаглемезской общности VI–V тыс. ВС.

Упомянутые выше культурные единства Среднеевропейских низменностей и Поднепровья были связаны между собой не только единым типом лесного охотничьего хозяйства, материальной культурой, но и антропологическим типом населения. Известно большое количество убедительных антропологических фактов, которые свидетельствуют об интенсивном проникновении жителей Балтии с севера в Среднее и Нижнее Поднепровье в мезолите и неолите, о чем не раз писали антропологи [3, 20, 25, с.134, 142]. Сравнение материалов из мезолитических и неолитических могильников Поднепровья VII–V тыс. до н.э. (рис. 15) с синхронными захоронениями Ютландии (рис. 16) свидетельствует как об определенном культурном, так и генетиче-

ском родстве населения, которое их оставило. Подобными оказались не только обряд захоронения, но и антропологический тип погребенных. Это были высокие, очень массивные, широколицые северные европеоиды (рис. 17), похороненные в вытянутой позиции на спине (рис. 15, 16) и посыпанные красной охрой.

В 1998 г. на мезолитической конференции в Кракове автор этих строк имел беседу с классиком советской антропологии И.И.Гохманом, который вернулся из командировки в Данию. «В 60-70-е годы я думал, что антропологические серии из мариупольских могильников Украины и мезо-неолитических погребения Дании близки между собой. Сейчас я уверен, что это единая популяция», — сказал антрополог.

Сотни погребений массивных северных европеоидов известны в многочисленных (больше 20) коллективных могильниках Надпорожья (Васильевка II, Вовниги, Ясиноватка, Вольнянка, Мыкильский и др.) и Приазовья (Мариуполь) [30, 25, с.134, 142] (рис. 6). В V тыс. до н.э. это население продвинулось лесостепной и степной полосой из Левобережной Украины к востоку в Среднее Поволжье (могильник Съезжее), образовав мариупольское культурное единство. Производной от этого северного антропологического массива было население ранних индоевропейских общностей V–III тыс. до н.э. — среднестоговской и ямной культур лесостепной Украины [25, с.157, 163].

Отметим, что в наше время степной энеолит Украины, ранее известный под названием среднестоговская культура, усилиями Ю.Я.Рассамакина [26] разделен на ряд культурных групп — скелянская, квитянская, стоговская, дереивская, новоданиловская, нижнемихайловская, животиливско-волчанская и др. Первые пять групп по данным антропологии демонстрируют прямую генетическую связь с массивными северными европеоидами могильников мариупольского типа Надпорожья и Приазовья [25, с.157, 163]. Следовательно, в VI–V тыс. до н.э. североевропейское охотничье население, которое с конца ледниковой эпохи проживало на низинных лесных пространствах Южной Балтии и Полесья, продвинулось Левобережьем Днепра к бассейну Северского Донца. Образовалось огромное этнокультурное единство, которое протянулось от Ютландии до Северского Донца на 2 тыс. км и состояло из родственных культур охотников и рыболовов балтийского происхождения.

Под воздействием балкано-дунайских земледельческих культур с юга постаглемезская мезолитическая общность Среднеевропейских низменностей перешла на неолитический этап развития. В результате распространения степей вследствие аридизации климата, упомянутые аборигенные общества северных европеоидов, оказавшись в степи, стали переходить к скотоводству и трансформироваться в древнейшие индоевропейские культуры конца V–IV тыс. до н.э. Если на юго-востоке Украины на базе северных европеоидов формировался ряд культур степного энеолита (скелянская, квитянская, стоговская, дереивская, нижнемихайловская), то в Центральной Европе на родственной основе распространилась культура воронковидных кубков (рис. 10).

Первые индоевропейцы V–IV тыс. до н.э., — население степного энеолита Украины и производная от них ямная культуры, генетически связаны с предшествующими днепродонецкой и мариупольской культурами Украины. Культуры воронковидных кубков и шаровидных амфор Центральной Европы — потомки культуры Ертебелле. Неолитические предки упомянутых древнейших индоевропейцев принадлежали к североевропеоидному антропологическому типу, генетически связанному с мезолитом Балтики. Вместе с тем, у носителей упомянутых ранних ИЕ культур прослеживается прогрессирующая грацилизация скелета. Она свидетельствует об их формировании на основе местных северных европеоидов в условиях некоторого притока более грацильного неиндоевропейского населения из земледельческих центров Подунавья — культуры линейно-ленточной керамики, Криш, Кукутени-Триполье.

Как письменные источники, так и многочисленные антропологические материалы свидетельствуют о североевропеоидной внешности древнейших индоевропейцев [17, с.238–239; 23]. Принадлежность первых индоевропейцев к северным европеоидам согласуется с локализацией прародины между Рейном и Северским Донцом, где в VI–V тыс. до н.э., по данным археологии, а также антропологии, сформировалось этнокультурное единство (рис. 6), которое дало

начало первым ИЕ культурам (мариупольская, середнестоговская, ямная, воронковидных кубков, шаровидных амфор).

Картографирование памятников культур воронковидных кубков (КВК) и шаровидных амфор (КШК) (рис. 10, 11) свидетельствует, что их носители в процессе миграции из Западной Балтики на восток в V–III тыс. до н.э., достигли Северо-Западной Украины и даже Причерноморья. О влиянии культуры шаровидных амфор на Усатово Причерноморья писали разные исследователи [39, с.184-188]. В.А. Сафронов писал о влиянии культуры шаровидных амфор на памятники нижнемихайловского и кемиобинского типа Причерноморья, и даже на их миграцию в Предкавказье [28]. Если В.А. Сафронов выводил памятники новосвободнинского типа от КШК, то А.Д. Резепкин от КВК. Так или иначе, есть основание говорить об определенных влияниях мигрантов КВК и КШК на формирование степного энеолита Причерноморья и Приазовья, то есть древнейших ИЕ культур юга Украины.

Подытоживая сказанное, отметим, что есть все основания говорить о балтийской культурно-исторической провинции Европы, которая в течение последних 12 тыс. лет развивалась на Среднеевропейских низменностях, простирающихся в широтном направлении на 2 тыс. км от Нижнего Рейна до Десны. С конца ледниковой эпохи до начала средневековья, то есть в доисторические и раннеисторические времена, она функционировала в режиме периодических волн миграций и диффузий населения, которые рождались в Юго-Западной Балтии и на севере Центральной Европы и катились далеко к востоку, достигая бассейнов Днепра, Десны, а временами и Верхней Волги (рис. 2–14).

Причина этих масштабных, направленных в восточном направлении переселений первобытного населения не до конца понятна и нуждается в отдельном исследовании. Важную роль в тысячелетних миграционных волнах родственного населения в пределах узкого коридора Среднеевропейских низменностей, сыграл факт принадлежности последних к единой природно-ландшафтной зоне смешанных лесов. Это направляло миграционный поток с определенным типом лесного хозяйства (охотничьего или земледельческо-скотоводческого) именно этим природно-ландшафтным коридором. К тому же этот миграционный путь ограничен естественными барьерами — на севере Балтийским морем, а на юге среднеевропейскими плато и горами с другими природно-ландшафтными характеристиками.

В условиях постоянного демографического давления с юга, из существенно опережающего Европу в развитии Средиземноморья, избыток население первобытной Европы мог сливаться лишь в восточном направлении. Движение на север сдерживали Северное и Балтийское моря, а также, ограниченные ресурсы, неблагоприятный холодный климат и горный рельеф Скандинавского полуострова. Поэтому Восточная Европа, с ее безграничными пространствами и ресурсами и немногочисленным охотничье-рыболовным населением, издавна играла роль своеобразного резервуара для оттока избытка населения из Центральной Европы и Балтики.

Следствием таких миграций в пределах балтийской провинции было периодическое образование больших этнокультурных массивов генетически родственного населения. Первобытные обитатели балтийской провинции, в соответствии с ее позицией на карте Европы, были высокими, массивными северными европеоидами, потомками кроманьонцев приледниковья. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные антропологические исследования. Археологическим соответствием этих сообществ являются многочисленные области родственных культур, которые объединяют общие черты материальной культуры, антропологический тип и тип первобытного хозяйства.

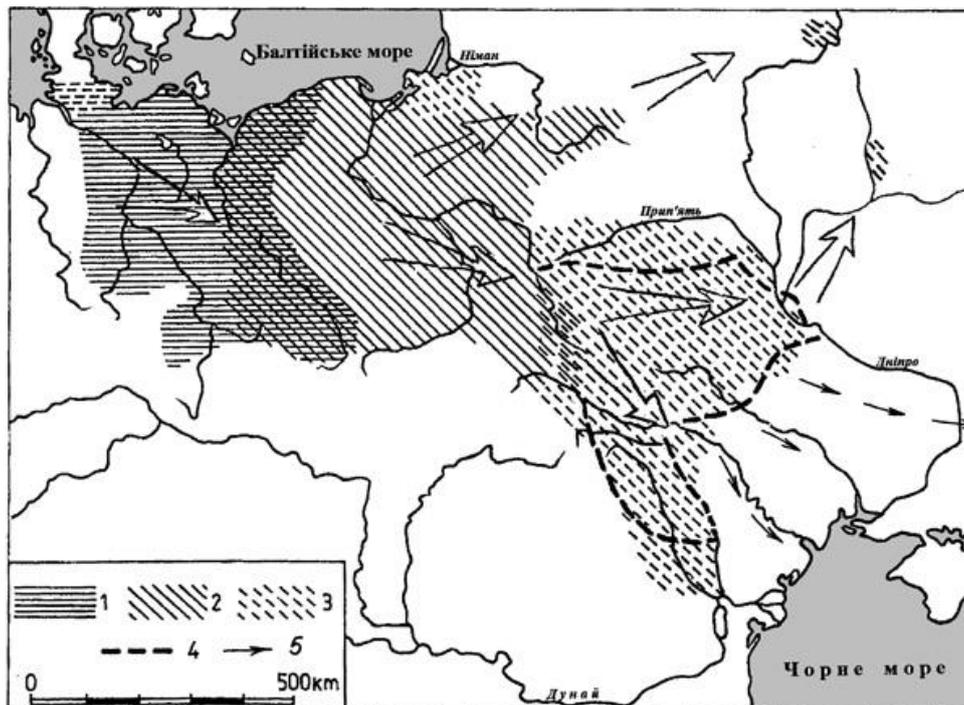

Рис. 11. Распространение культуры шаровидных амфор (КША), III тыс. до н.э.

Условные знаки: 1- западная группа; 2- центральная (польская) группа; 3- восточная группа, по И.К. Свешникову; 4- границы восточной (украинской) группы, по [Szmit, 2002, p. 8].

Рис. 12. Расселение носителей культур шнуровой керамики в III-II тыс. до н.э. [Археология СССР, 1978, с. 72].

Рис. 13. Ареал тшинецко-комаровської культури (ТКК), II тис. до н.е., по [Makarowicz, 2010, s. 17].

Умовні знаки: 1- границя Середньоевропейських низменностей; 2- ареал ТКК; 3- расселення носителів ТКК.

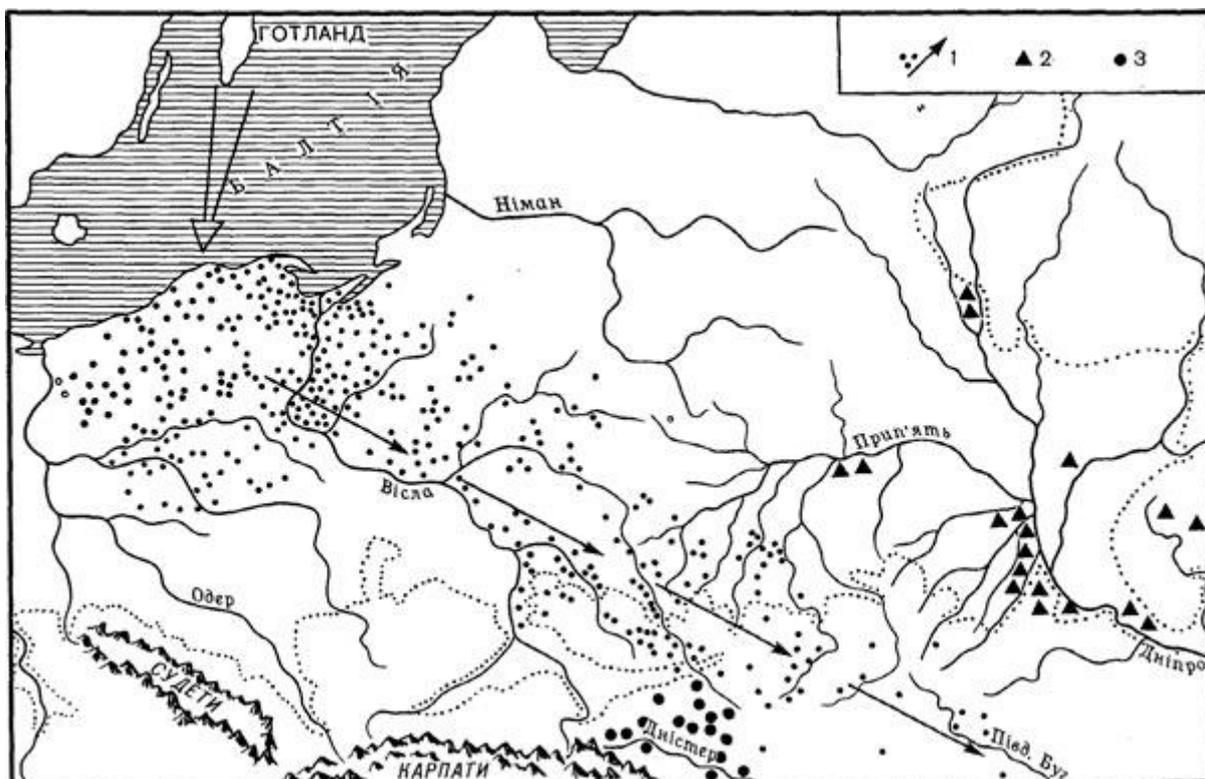

Рис. 14. Славяне і готи в II-III ст. н.е., по В.Д. Барану.

Одной из таких культурных областей балтийской провинции была постмаглемезская VI–V тыс. до н.э., в которую входили группы первобытного населения, объединённые общим происхождением с Балтики, массивным кроманьонидным антропологическим типом, общей культурной традицией, типом лесного присваивающего хозяйства, а значит, очень вероятно, и общими этно-языковыми характеристиками. Именно на этом этно-культурном субстрате формировались древнейшие индоевропейские сообщества степного энеолита юга Украины и культура воронковидных кубков Центральной Европы IV тыс. до н.э.

Таким образом, возникновение масштабного постмаглемезского этно-культурного единства VI–V тыс. до н.э. было лишь одним из нескольких подобных исторических эпизодов, которые периодически повторялись в пределах балтийской культурно-исторической провинции Европы. Все начиналось с очередной миграции из междуречья Рейна и Эльбы или Западной Балтики к востоку и завершалось образованием в пределах Среднеевропейских низин, а временами и шире, масштабной этно-культурной области генетически родственного населения. Постмаглемезская общность — уже третье подобное этно-культурное образование в пределах Среднеевропейских низменностей после области культур с наконечниками стрел на пластинах финального палеолита (культуры Лингби, Аренсбург, Свидер, Красносилье) (рис. 2) и области Дювенси раннего мезолита (культуры Старр Кар, Дювенси, Мелстед, Коморница, Кудлаевка) (рис. 3).

Возникновение по тому же принципу подобных масштабных сообществ в пределах низменностей Центральной и Восточной Европы происходило и позже. Например, в эпоху бронзы область культур шнуровой керамики, родившись в Центральной Европе, распространилась к востоку на 3 тыс. км до Средней Волги (рис. 3). Подобными, но менее масштабными этнокультурными общностями балтийской культурной провинции Европы были культуры воронковидных кубков (рис. 10), шаровидных амфор (рис. 11), тшинская (рис. 13) и др.

Упомянутые археологические данные дают основание утверждать, что на равнинах Центральной Европы между Рейном и Днестром индоевропейцы имеют более глубокие корни, чем в других регионах индоевропейской ойкумены. Непрерывное археологическое развитие на Среднеевропейских низменностях родственных культур прослеживается с раннего мезолита (общность Маглемезе-Дювенси VIII–VII тыс. до н.э.) до древнейших индоевропейских культур региона (воронковидные кубки, шаровидные амфоры V–III тыс. до н.э.). Указанный регион также является ядром древнейшей индоевропейской гидронимии. Об этом же свидетельствуют данные лингвистики и ономастики, приведенные С.В. Кончей [22]. Им замечено, что на этих территориях отсутствует доиндоевропейская ономастика, а в языках коренных этносов севера Центральной Европы (германцы, балты, славяне) отсутствует доиндоевропейская субстратная лексика.

Таким образом, Среднеевропейские низменности между Нижним Рейном и Днестром являются первым претендентом на звание прародины индоевропейцев. Ведь их корни в указанном регионе опускаются до начала мезолита в VIII тыс. до н.э.

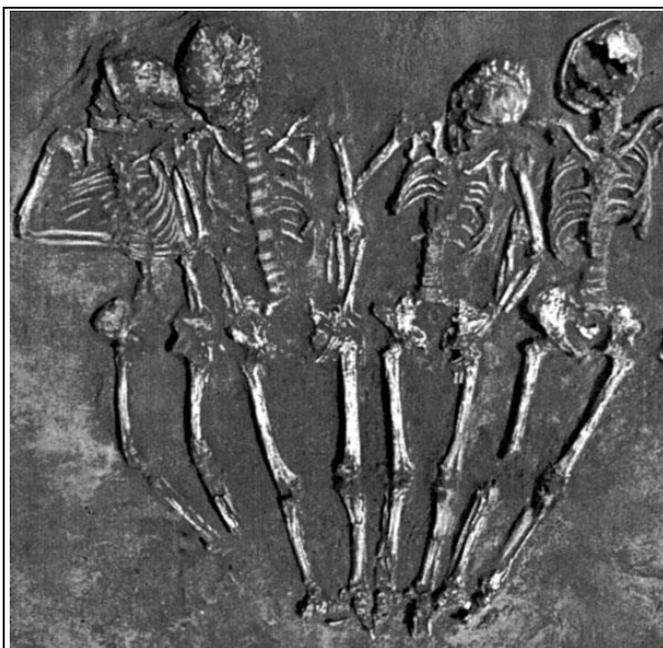

Рис. 15. Коллективная усыпальница массивных северных европеоидов в могильнике Александрия на Северском Донце, по [Телегин, 1991, с.17].

Первые пастухи-индоевропейцы азово-черноморских степей

Многочисленные археологические и антропологические факты убедительно свидетельствуют, что генетический корни индоевропейских народов достигает неолита и мезолита низменных пространств от Рейна на западе до Среднего Днепра и Юго-Восточной Украины на востоке, которые с начала мезолита (10 тыс. лет назад) были заселены родственным автохтонным населением, далекими потомками кроманьонцев конца ледниковой эпохи. Другими словами, родиной предков ИЕ, очевидно, были Немецкая, Польская, Полеская, Приднепровская низменности и бассейн Дона. В конце мезолита в VI–V тыс. до н.э. эти пространства были заселены массивными северными европеоидами из Прибалтики. В V тыс. до н.э. на их генетической основе формируется группа родственных неолитических культур, которые развивались под прогрессивным влиянием земледельческой протоцивилизации Балкан и Подунавья. Следствием контактов с последней в условиях аридизации климата и распространения степей стала трансформация автохтонов праиндоевропейцев в собственно индоевропейское пастушеское подвижное общество [9, с.96–99; 11, с. 216–218, 240–247; 42, р.117–125; 45].

Археологическим маркером этого процесса было появление в степях Надчерноморья и Приазовья в конце V–IV тыс. до н.э. курганного обряда захоронения (курган, погребение с окрашенными в красное и скорченными скелетами, антропоморфные стелы с изображением оружия и атрибутов скотоводов, следы культа колеса, быка, коня, оружия, огня и т.п.).

С появлением первых признаков пастушеского скотоводства в конце V тыс. до н.э., его первые носители (Мариуполь, Средний Стог, который в наше время распался на ряд культурных групп) начинают расселяться из Юго-Восточной Украины степями как на запад на Нижний Дунай, так и к востоку в Поволжье, где появляются их аналоги (Съезжее, Хвалынский). На материалах этих памятников группа исследователей выводит древнейших скотоводов-индоевропейцев из Поволжья. Как известно автором этой версии генезиса древнейших ИЕ была Мария Гимбутас, которая считала родиной ИЕ Среднее Поволжье [33].

Невзирая на жесткую критику ее построений, часть исследователей остаются верны сформулированной М. Гимбутас в 70-х годах XX ст. концепции. Автор этих строк достаточно давно выразил сомнения относительно возможности зарождения индоевропейских скотоводов на Средней Волге [9, с.91]. Ведь скотоводство не появляется само-

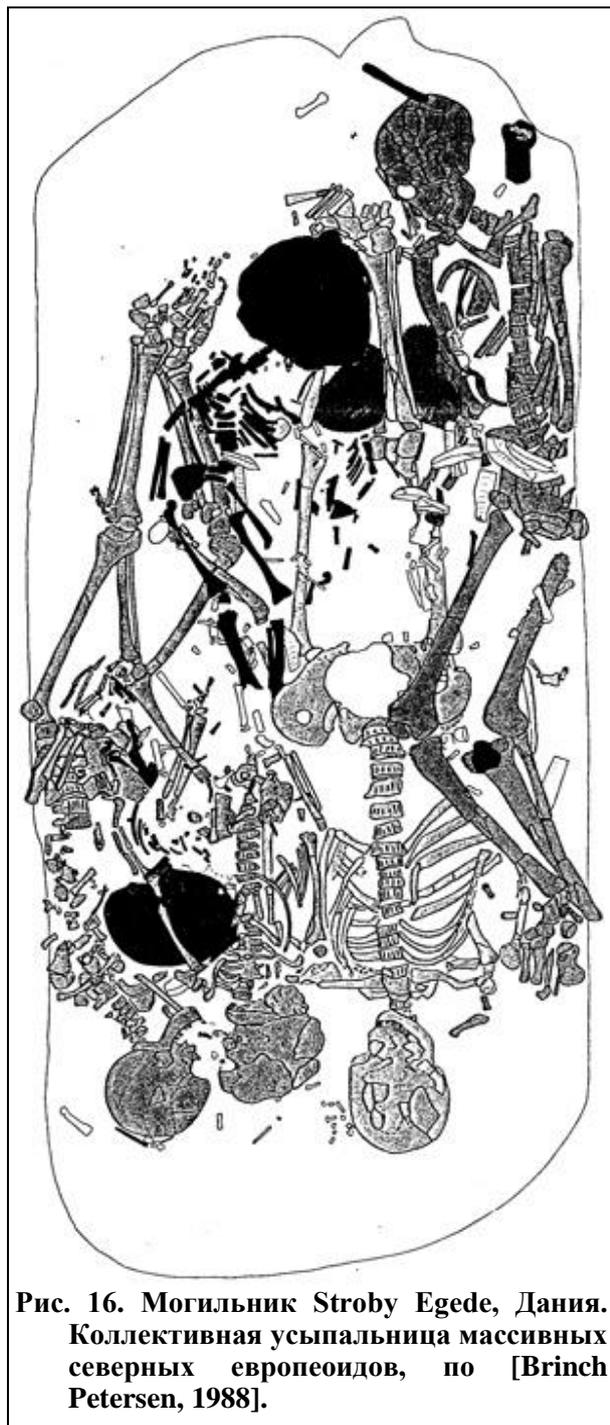

Рис. 16. Могильник Stroby Egede, Дания. Коллективная усыпальница массивных северных европеоидов, по [Brinch Petersen, 1988].

стоятельно в степи, а ответвляется от комплексной земледельческо-скотоводческой экономики неолитических протоцивилизационных образований типа Триполья. Именно в Украине в энеолите такой центр граничил со степью, тогда как в Поволжье ничего подобного не было. К тому же мариупольское единство, на котором формировались древнейшие скотоводы-индоевропейцы степного энеолита, имеет глубокие корни в Украине, которые опускаются в VII–V тыс. до н.э., то есть в неолит и даже в мезолит. Съезжее таких глубоких корней в Поволжье не имеет и выглядит вторичным после многочисленных мариупольских могильников Украины (рис. 6).

На юго-востоке Украины (преимущественно в Надпорожьи) известно больше 20 коллективных могильников мариупольского типа (рис. 6, 15) с сотнями погребений [30], которые генетически связаны с более давними мезолитическими (Васильевка I, II, III). На Волге известен лишь один коллективный могильник мариупольского типа Съезжее (16 погребений) и несколько разрозненных единичных захоронений на разных памятниках и никаких неолитических предшественников.

Подобную картину имеем и со степным энеолитом, и с памятниками ямной культуры, которая занимает особенное место в проблематике происхождения и расселения древних индоевропейцев. Если степной энеолит в Украине представлен несколькими археологическими культурами (скелянская, постмариупольская, квитянская, стоговская, новоданиловская, дереивская, нижнемихайловская и др.) с многочисленными захоронениями и поселениями, то их аналог на Волге (хвалынская культура) известен лишь по нескольким памятникам.

В Украине выделено около десяти локальных вариантов ямной культуры и каждый известен по сотням, а временами и больше тысячи погребений под многочисленными большими и сложными курганными насыпями. На Волге ямных погребений исследовано на порядок меньше чем в Украине, а курганы небольшие с немногочисленными бедными захоронениями, которых всего известно несколько сотен. Если картографировать памятники мариупольской общности, степного энеолита и ранней бронзы восточноевропейских степей, то главный их сгусток окажется в азово-черноморских степях, а Поволжье будет выглядеть периферией степного энеолита Восточной Европы.

Стоит отметить, что степной энеолит зарождался и развивался под мощным культурным влиянием балкано-дунайских нео-энеолитических протоцивилизационных центров. Именно отсюда будущие скотоводы-индоевропейцы получали культурные новшества, прежде всего навыки животноводства, а позже металлургии меди-бронзы, также и сами престижные металлические вещи. Медь карпато-балканского происхождения — определяющая черта степного энеолита Причерноморья, Приазовья, Подонья. Приближенность к культурным центрам определяла опережающее развитие черноморско-азовского степного энеолита в сравнении с Поволжьем.

Упомянутая заметная грацилизация скелетов ранних индоевропейцев черноморско-азовских степей, объясняется контактами с земледельцами балкано-дунайского происхождения, в частности населением трипольской культуры. Об этом свидетельствуют материалы так называемого «степного триполья». Имеются в виду, погребения животиловско-волчанского типа второй половины IV тыс. до н.э., исследованные в азово-черноморских степях и даже на севере Крыма. Они содержат поздне трипольскую керамику и, по мнению Т.Г. Мовши, М.Ю. Видейко, Ю.Я. Рассемакина [26], были оставлены поздне трипольским населением, вытесненным в степи новыми волнами земледельцев, ко-

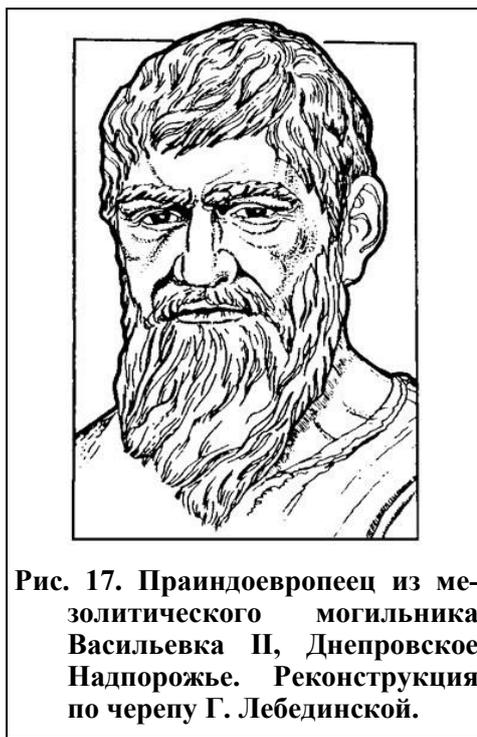

Рис. 17. Праиндоеuropeец из мезолитического могильника Васильевка II, Днепровское Надпорожье. Реконструкция по черепу Г. Лебединской.

торые двигались к востоку из Пруто-Днестровского междуречья. Оказавшись в степи, трипольцы были вынуждены переходить к ранним формам отгонного, пастушеского скотоводства, влияя на сложение степного энеолита. Смешиваясь с потомками мариупольцев — скелянцами, квитянцами, стоговцами, они делали их массивный антропологический тип более грацильным. Что-то подобное происходило в начале III тыс. до н.э. и с усатовскими племенами в степях Северо-Западного Причерноморья.

В материальной культуре степного энеолита IV тыс. до н.э. прослеживаются также определенные влияния культуры Майкоп-Новосвободнинская Северного Кавказа [26]. На этом основании некоторые русские коллеги выводят общности Мариуполь — Съезжее и Средний Стог — Хвалынский из Поволжья, а не из Юго-Восточной Украины, где таких памятников больше всего, и они древнее.

Идея восточных волго-каспийских истоков первых отгонных скотоводов Восточной Европы не нова и своими корнями связана с исследованиями 70-х годов XX ст. М. Гимбутас, В.Н. Даниленко, М.Я. Мерперта [3, 26]. Аргументируя свою концепцию происхождения первых ИЕ скотоводов из Среднего Поволжья, М. Гимбутас прямо ссылалась на многочисленные более поздние нашествия с востока скифов, кочевников средневековья и даже Чингисхана [33, 26].

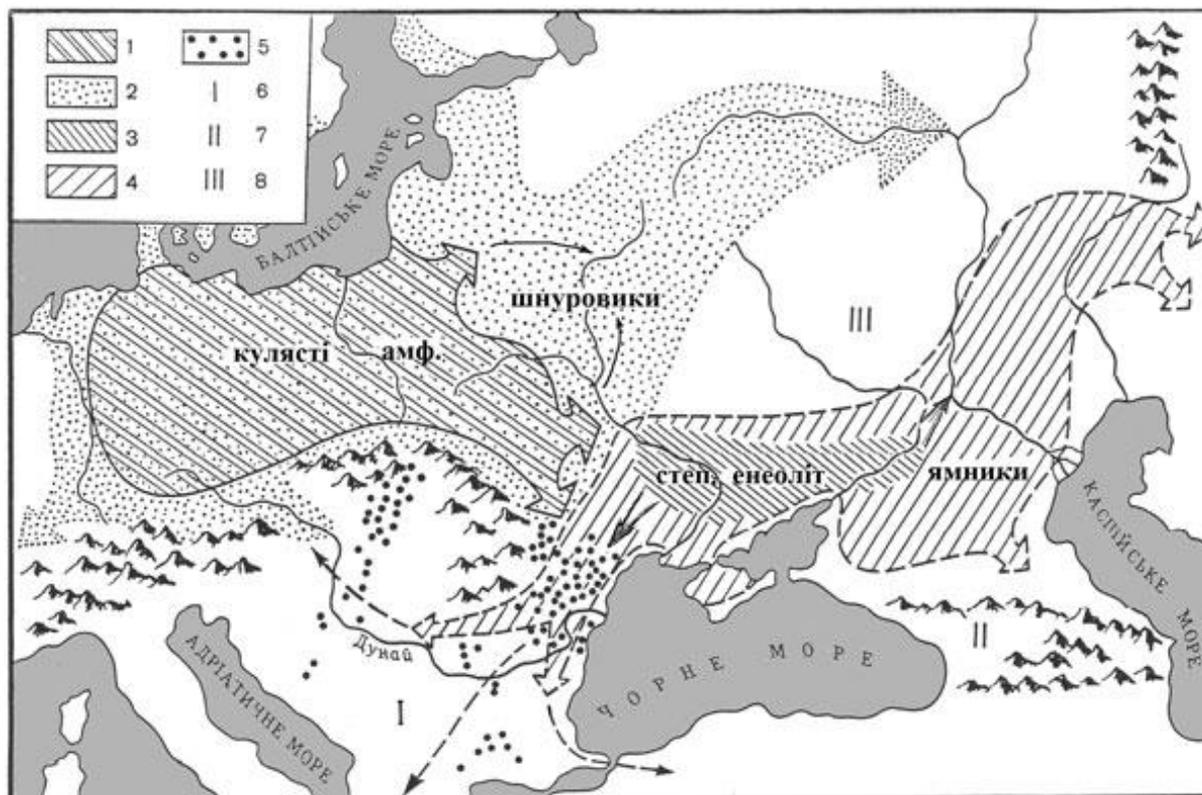

Рис. 18. Индоевропейцы в III тыс. до н.э., по [Mallory, 1989; Зализняк, 1994, с.88].

Культуры индоевропейские: 1- шаровидных амфор; 2- шнуровой керамики; 3- средний стог; 4- ямная; 5- курганы со степным обрядом погребения в Подунавье. Неиндоевропейцы: I- энеолит Балкан; II- пракартвелы; III- праугро-финны.

В наше время на смену сомнительному «аргументу Чингисхана» в пользу восточного происхождения скотоводства и вообще степного энеолита и ямной культуры, используют «аргумент Кавказа». Предполагается, что на Средней Волге скотоводство (и его носители индоевропейцы) зародились благодаря мощному влиянию Кавказа.

Влияния Кавказа на степь прослеживаются с IV тыс. до н.э. на памятниках «степного Майкопа» Предкавказья (бассейн Маныча), в меньшей мере Приазовья. О кавказских влияниях на энеолит Юго-Востока Украины писал В.Н. Даниленко [3]. Он выделял две линии развития

энеолита — северную лесостепную (ямную) и южную степную (азово-черноморскую). Если в лесостепи доминировало разведение крупного рогатого скота, то в степи — овцеводство. Предками ямников были среднестоговцы, которые, в свою очередь, происходили от мариупольцев. Более грацильных нижнемихайловцев степной линии энеолита исследователь генетически связывал с Майкопом Передкавказья. Позже эта южная линия развития энеолита повлияла на формирование кемиобинской культуры, а возможно и катакомбной.

Не отрицая определенных влияний Кавказа на степь, следует отметить, что в азово-черноморских степях они менее заметны по сравнению с карпато-дунайскими. В таком случае, как мог Кавказ, который относительно мало влиял на расположенный рядом энеолит юга Украины, определять опережающее развитие Самарского Поволжья, расположенного в три раза дальше от него по сравнению с востоком Украины?

Если даже признать приоритет кавказских влияний на становление степного энеолита перед карпато-дунайскими, то географически Юго-Восточная Украина в 2–3 раза ближе к Северному Кавказу, чем Самарский регион, где сконцентрированы поволжские памятники типа Съезжее и Хвалыньск (рис. 6). Другими словами, если Кавказ и был катализатором распространения скотоводства в степях Восточной Европы, то судя с расстояний, его влияние на юг Украины должно быть значительно сильнее, чем на отдаленную от него Среднюю Волгу. А если это так, то и зарождение скотоводства под кавказским влиянием произошло бы скорее на юге Украины, чем на Средней Волге. Тем более, что энеолит юга Украины, в отличие от Самарского Поволжья, развивался не только под влиянием Кавказа, но и мощного карпато-дунайского центра производящего хозяйства.

Таким образом, новый «аргумент Кавказа» в пользу волжского происхождения пасторализма (а также индоевропейцев) не убедительнее старого «аргумента Чингисхана» М. Гимбутас.

Уместно вспомнить, что ведущий специалист по степному энеолиту Поволжья И.Б. Васильев признает именно карпато-дунайские, а не кавказские, истоки определяющих элементов материальной культуры памятников типа Съезжее и Хвалыньск Поволжья — медь и формы изделий из нее, так называемые «конеголовые скипетры», формы украшений, некоторые элементы керамики и тому подобное [1]. Другими словами, древнейшая пастушеская форма скотоводства, как движущая сила расселения индоевропейцев, очевидно, родилась в азово-черноморских степях, а отсюда уже распространилась на всю евразийскую степь, в том числе и в Поволжье.

Сформулированная автором этих строк более чем четверть века назад [5, 6, 8, с.38–41; 9, с. 89, 96–99; 11, с. 216, 217, 240–243; 16, с.206–210; 41, р. 33; 42, р. 121–125; 43] концепция общего по происхождению из Балтики субстрата первых индоевропейцев Центральной и Восточной Европы (культура воронковидных кубков, энеолит азово-черноморских степей, ямная культура), в последнее время получила неожиданное подтверждение данными биомолекулярного анализа антропологических материалов [34]. Выяснилось генетическое родство индоевропейцев IV–III тыс. до н.э. Центральной и Юго-Восточной Европы. Недавно обнаруженные параллели между генофондами ямников и шнуровиков дали основания генетикам выводить вторых от первых, что в очередной раз реанимировало известную степную версию происхождения индоевропейцев. Другими словами, генетики как бы подтвердили гипотезу М. Гимбутас о распространении ИЕ языков в Европе в результате массовой миграции ямников из степей Восточной Европы на запад в середине III тыс. до н.э. [33].

Камнем преткновения на пути к окончательной победе степной версии происхождения индоевропейцев стал установленный теми же генетиками факт значительного генетического влияния ямников в Прибалтике и Скандинавии, где нет археологических свидетельств их пребывания, и намного меньший ямный генетический след на юге, в частности в Венгрии, где высятся многочисленные курганы ямной культуры [34]. Снять это противоречие позволяет упомянутая концепция общего генетического субстрата древнейших ИЕ Европы, который сформировался в VI–V тыс. до н.э. в результате миграции кроманьонидного населения Западной Балтии

через территорию Польши, Полесья, на Средний Днепр и дальше в Надпорожье и к Северскому Донцу (рис. 6).

Если автор этих строк считает выделенную им четверть столетия назад постмаглемезскую мезолитическую общность протоиндоевропейцами, субстратом, на котором позже формировались собственно индоевропейцы, то С.В. Конча рассматривал постмаглемезцев как уже сформированных индоевропейцев, перед их распадом на отдельные этноязыковые ветви. По мнению последнего «имеются веские основания датировать индоевропейское единство ранним мезолитом (VIII–VII тыс. до н.э.), а начало его распада связывать с началом расселения яниславицкого населения к востоку, в Полесье и дальше к бассейну Донца в VI–V тыс. до н.э.». Исследователь считал, что определяющий для ранних индоевропейцев культурный комплекс (пастушеское скотоводство, курганный обряд захоронения, культ солнца-колеса, быка, коня, оружия, патриарха воина-пастуха и т. п.) был ими приобретен позже, уже после распада праиндоевропейского единства в IV–III тыс. до н.э. [21, с. 191–203].

Так или иначе, на низменностях от Нижнего Рейна на западе до Среднего Днепра и Северского Донца на востоке по данным археологии, антропологии, гидронимики прослеживается культурно-историческое единство, которое начало формироваться с окончанием ледниковой эпохи 10 тыс. лет назад и, очевидно, приняло участие в формировании индоевропейской семьи народов в качестве ее генетического субстрата. По крайней мере этот, достаточно очевидный для археологов и антропологов факт, стоит учитывать в своих построениях индоевропеистам, лингвистам и генетикам.

Выводы

Подводя итоги отметим, что в V тыс. до н.э. накануне появления на доисторической арене первых индоевропейцев Европа была разделена на два разных мира — земледельческий балкано-дунайского происхождения и мир автохтонных охотников и рыболовов Среднеевропейских низменностей от Нижнего Рейна на западе до Среднего Поднепровья и Северского Донца на востоке (рис. 6). Аборигены-охотники тесно контактировали на юге с передовыми отрядами балкано-дунайских неолитических колонистов — населением культур линейно-ленточной керамики и Кукутени–Триполье средней полосы Центральной Европы и Правобережной Украины. Прямым следствием таких контактов стала неолитизация мезолитических охотников Среднеевропейских низменностей, которые заимствовали у продвинутых южных соседей первые навыки керамического производства, а позже земледелия и скотоводства.

Истощение природных ресурсов вместе с аридизацией климата стали причинами социально-экономического коллапса протоцивилизации балкано-дунайских неолитических земледельцев. Наступление степей стимулировало увеличение роли скотоводства в сообществах аборигенной периферии коллапсирующей земледельческой Старой Европы. Особенно интенсивно процессы перехода к примитивным формам пастушеского скотоводства развивались на границе земледельческой Старой Европы с евразийскими степями в Приазовье и Причерноморье.

Принципиальные изменения в первобытной экономике привели к радикальной трансформации общества, способа жизни, идеологии, материальной и духовной культуры. Выделение скотоводства в отдельную отрасль экономики кардинально трансформировало первобытные коллективы, положило начало их имущественной дифференциации. Рождалось принципиально новое общественное устройство — возглавляемые воинственными вождями патриархальные, подвижные, родовые коллективы, основой хозяйства которых было пастушеское (отгонное) скотоводство. Археологическим маркером появления этого принципиально нового общественного устройства стало формирование в азово-черноморских степях с конца V тыс. до н.э. курганного погребального комплекса (курган, окрашенные охрой скорченные погребения, следы культов повозки, колеса-солнца, тягловых животных, родовых вождей, воина-пастуха, оружия, огня и т.п.)

Экстенсивная форма требующего все новых пастбищ скотоводства, воинственность и подвижность древнейших пастухов в условиях социально-экономического коллапса земледельческого мира Подунавья и Балкан создали условия для экспансии первых скотоводов азово-

черноморских степей на земли соседей. Эти факторы обусловили быстрое и масштабное расселение древнейших скотоводов-индоевропейцев сначала в степях, а впоследствии в лесостепной, лесной и средиземноморской природных зонах Евразии.

Таким образом, можем говорить о двух грандиозных волнах миграций, которые прокатились Южной Европой и Западной Азией в VII–V и в IV–II тыс. до н.э. Если экономическим механизмом неолитической колонизации Европы мотыжными земледельцами Балкан было земледелие, то движущей силой расселения ранних индоевропейцев были ранние формы скотоводства.

Создается впечатление, что родиной индоевропейцев была своеобразная аборигенная периферия социально-экономически и культурно продвинутой земледельческой Старой Европы. Коллапс последней вследствие экологических проблем и климатических изменений, а также трансформация соседей-автохтонов в склонные к экспансии, подвижные скотоводческие сообщества стало причиной продвижения последних в Подунавье, на Балканы, в Малую Азию и другие регионы Евразии. Расселение индоевропейцев в Центральной и Южной Европе напоминает своеобразную реконквисту, возвращение автохтонами ранее колонизированных неиндоевропейским населением Балкан территорий.

Л и т е р а т у р а :

1. *Васильев И.Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. — Самара, 2003. — С. 61–99.
2. *Гохман И.И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк). — М., 1966.
3. *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. — К., 1974.
4. *Залізник Л.Л.* Мезолітичні пам'ятки типу Таценки — Кудлаївка // Археологія. — 1976. — № 20. — С. 60–66.
5. *Залізник Л.Л.* Рудоострівська мезолітична культура // Археологія. — 1978. — № 25. — С. 12–21.
6. *Залізник Л.Л.* Мезоліт Юго-Восточного Полесья. — К.: Наукова думка, 1984. — 120 с.
7. *Залізник Л.Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья в эпоху финального палеолита. — К.: Наукова думка, 1989. — 182 с.
8. *Залізник Л.Л.* Население Полесья в мезолите. — К.: Наукова Думка, 1991. — 172 с.
9. *Залізник Л.Л.* Нариси стародавньої історії України. — К., 1994.
10. *Залізник Л.Л.* Від склавинів до української нації. — К., 1997.
11. *Залізник Л.Л.* Передісторія України X–V тис. до н.е. — К., 1998. — 307 с.
12. *Залізник Л.Л.* Фінальний палеоліт Північного-Заходу Східної Європи. — К., 1999. — 284 с.
13. *Залізник Л.Л.* Культурно-історичні зв'язки Полісся і проблема його неолітизації // Od neolitizacij do rozszatkuj epoki brazu. — Poznan, 2001. — С.15–28
14. *Залізник Л.Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. — Вип.8. — К., 2005. — 184 с.
15. *Залізник Л.Л.* Культурно-історичні провінції України у первісну добу // Археологія. — 2006. — № 3. — С. 3–15.
16. *Залізник Л.Л.* Мезоліт заходу Східної Європи // Кам'яна доба. — К., 2009. — Вип. 12. — 280 с.
17. *Залізник Л.Л.* Стародавня історія України. — К., 2012. — 541 с.
18. *Залізник Л.Л.* Мезолітичні витоки перших индоевропейських культур Європи за даними археології // Археологія. — 2016. — 3. — С. 3–18.
19. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. — М., 1977. — 216 с.
20. *Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. — М., 1973.
21. *Конча С.В.* Перспективи етногенетичних реконструкцій за кам'яної доби. (Матеріали індоєвропейстики) // Кам'яна доба України, вип. 5. — К., 2004. — С.191–203.
22. *Конча С.В.* Индоевропейці: пізнання доісторії. — К.: Видавець Олег Філюк, 2017. — 415 с.
23. *Лелеков А.А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. — 1982. — №3.
24. *Недолужко А.В., Бусыгина Е.С., Соколов А.С., Цыганкова С.В., Груздева Н.М., Резепкин А.Д., Прокочук Е.Б.* Секвенирование полного митохондриального генома древнего человека, представителя

- новосвободненской культуры, указывает на ее возможную связь с культурой воронковидных кубков. // *Acta Naturae*. — 2014. — 2 (21). — Т. 6. — 35. 39.
25. Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. — К., 1999. — 216 с.
 26. Рассмакин Ю.Я. Степи Причерномор'я в контексті розвитку перших землеробських культур // *Археологія*. — 2004. — № 2. — С. 3-26.
 27. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. — Вильнюс: Минтис, 1971. — 203 с.
 28. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. — Горький, 1989. — 402 с.
 29. Свешников И. Культура шаровидных амфор. — САИ VI-27, Москва, 1983.
 30. Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. — К., 1991. — 94 с.
 31. Clark G. The mesolithic settlement in Northern Europe. — Cambridge, 1936. — 215 p.
 32. Clark G. The earlier stone age settlement of Scandinavia. — Cambridge university press. — 1975. — 282 p.
 33. Gimbutas M. The kurgan culture // *Actes du VII CIPP*. — Prague, 1970.
 34. Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N., Mallick, S., Llamas, B. et al. Massive migration from the steppes was a source for Indo-European Languages in Europe. // *Nature*. — 2015. — 522. — P. 207–211.
 35. Kozłowski S.K. Introduction to the history of Europe in early Holocene // *The mesolithic in Europe*. — Warszawa, 1973. — P. 331-366.
 36. Kozłowski S.K. Cultural differentiation of Europe from 10th to 5th millenium b.c. — Warsaw, 1975. — 259 p.
 37. Makarowicz P. Trzciniecki kratg kulturowy — wspolnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. — Poznan, 2010. — 445 s.
 38. *Prahistoria ziem Polskich*. Paleolit i mesolit. — T.1. — Warszawa: PAN, 1975. — 475 s.
 39. Szmít M. Between West and East. People of globular amphora culture in Eastern Europe: 2950-2350 BC. // *Baltic-Pontic studies*. Vol. 8. — Poznan, 1999. — 349 p.
 40. Wieckowska H. Outline of the Division of cultures of the Polish Mesolithic // *The mesolithic in Europe*. — Warszawa, 1973. — P. 595–612.
 41. Zaliznyak L. The late mesolithic and neolithic subbase of Indo-Europeans // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. — Vilnius, 1994. — P. 32.
 42. Zaliznyak L.L. Mesolithic forest hunters in Ukrainian Polessye. — Oxford, 1997. — 140 p.
 43. Zaliznyak L. The late mesolithic subbase of the Ukrainian Neolithic // *Beyond Balkanization*. *Baltic-Pontic Studies*. — 1998. — Vol. 5. — P. 120-145.
 44. Zaliznyak L.L. The primary population of East European North according to archaeology data // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia IV*. — Oulu, 2002. — P. 301-317.
 45. Zaliznyak L.L. Ukraine and the Problem of the Indo-European Original Motherland // *Archaeology in Ukraine*. — Kyiv: Ostin, 2005.
 46. Zvelebel M. Indo-European dispersals and agricultural transition in Northern Europe: culture, genes and language // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia IV*. — Oulu, 2002. — P. 318-343.

Статья поступила в редакцию 09.12.2017 г.

Об авторе:

ЗАЛИЗНЯК Леонид Львович — д.и.н., зав. отдела археологии каменного века Института археологии НАНУ, проф. кафедры археологии Нац. Ун-та «Киево-Могилянская академия».